

ВЕЧНЫЙ АДАМ

(Посмертная повесть Жюль Верна)

Она называется «Вечный Адам», эта посмертная повесть Жюль Верна, только что опубликованная в «Revue de Paris». И в замысле и в тоне ее есть нечто, что отличает ее от других произведений этого страстного идеолога механической культуры и пророка всех новейших изобретений и открытий. В ней есть не свойственная ему меланхолия и грустный лиризм, в которых хочется видеть окраску последних мыслей умирающего романиста.

Сколько на земном шаре сменилось уже великих цивилизаций, которые ничего не знали друг о друге... Наша европейская культура, со всеми завоеваниями ее в области техники и механического познания мира, — чем гарантирована она? Кто может поручиться, что она уцелеет, а не будет вдруг сметена всемирной ли войной или мировым катаклизмом? Быть может, много раз уже так и бывало... Что мы знаем об Атлантиде, кроме ее имени? А если бы даже спасся во время катастрофы один человек или группа людей, которые бы потом размножились, — что могли бы они передать своим потомкам из тех знаний, которых они одни оставались хранителями? Сколько раз уже повторяется на земле Адам — этот вечный Робинзон мироздания?

Все эти вопросы, конечно, вставали пред фантазией Жюль Верна в то время, когда он писал свою последнюю повесть.

Ее действие начинается на Земле... Да, безусловно, планета эта никак не может быть иной, чем Земля. Но это иной материк, иные люди, иные циклы времен. Ни одного клочка старой суши не осталось на всем земном шаре. Один ученый этой страны возвращается ночью домой с годовичного торжественного заседания академии наук. (Потому что страна эта обладает настолько высокой культурой, что в ней есть и ака-

демия наук, и ученые, и почти все те механические изобретения, которыми пользуемся мы в наше время). Ученый размышляет о тех научных спорах, которые только что встали относительно происхождения человека. Была выдвинута, между прочим, и старая, наукой давно осмеянная теория о происхождении всех людей от одного первого человека Nedom'a (Адама) — имя, которое, по корню своему, не принадлежит ни к одной из групп существующих на земле языков, о чем были уже написаны целые томы бесплодных филологических изысканий. Сам же вышеупомянутый ученый делал доклад об измерениях ископаемых черепов доисторических людей, так как ему удалось наткнуться на странное явление: черепа, находившиеся в доселе исследованных слоях земли, указывали на малые объемы мозга у древних людей, но когда он углубился в более низкие слои почвы, то открыл останки людей еще более древних, но с черепами весьма развитыми. Так что оставалось только предположить о том, что человечество в известную эпоху испытало сильный умственный регресс. Так он шел и думал о нелепости происхождения людей от Адама. Вдруг он увидал в куче земли, выкинутой из глубокой шахты, странной формы предмет. Предмет этот оказался алюминиевым футляром, а в футляре — полуистлевшая рукопись на неизвестном языке, написанная неизвестными письменами. Ему понадобилось двадцать лет жизни, чтобы ее дешифровать и перевести.

Рукопись эта оказалась подлинным дневником Адама. Только не того Адама, который жил в библейском раю и дневник которого так остроумно перевел Марк Твэн,¹ а одного из Адамов-Робинзонов, или, может, правильнее было назвать, Ноев, которые после гибели старых земных материков оставались для того, чтобы посеять человеческое семя на новой земле, и передавали своим потомкам, выросшим в грубых и суровых тисках борьбы за жизнь, смутную память о «потерянном Рае», об эпохе какой-то счастливой *безопасности* на земле, когда звери и силы природы мирно служили человеку.

Данный дневник оказывается дневником Адама — родоначальника именно того человечества, к которому принадлежит ученый, нашедший дневник.

Начало дневника относится ко второму десятилетию XX века. Адам сперва описывает свою предшествующую жизнь. Он был французским инженером и жил в своей вилле во Флориде, где имел обширные дела. Он собирался вскоре их ликвидировать, чтобы вернуться во Францию. По вечерам у него собиралось несколько друзей и велись беседы, главным образом, на научные темы. В тот вечер разговор шел о последних завоеваниях европейской науки. Кто-то высказал мысль, что человечество уже не раз достигало этих пределов знания, а потом все рушилось и забывалось... Халдея... Египет... Все протестовали. «Отличительный характер завоеваний нашей науки в том, что они окончательны. Наша культура охватила весь земной шар».

— Однако, в факте мирового катаклизма, который бы охватил сразу всю сушу, нет ничего теоретически невозможного.

Все в один голос воскликнули: «Ну, подите вы!»...²

Именно в этот самый момент он и произошел. Толчок землетрясения заставил всех выскочить из дому. Море, которое находилось на двести футов ниже, под отвесными скалами, теперь уже подступило к саду. Оно было тихо. Очевидно было, что не оно росло, а земля быстро погружалась вниз. Через минуту они уже были на автомобиле и мчались по дороге, ведущей в горы. Но скорость автомобиля и скорость погружения земли были равны: море оставалось неизменно на сто метров сзади. Гонка длилась несколько часов, и, наконец, глубокая пропасть перервала перед ними полотно дороги. Они остановились. Но и море перестало взбухать. Когда рассвело, они увидели себя на маленьком островке среди океана. Вершины гор, несравненно более возвышенных, чем тот холм, на котором спаслись они, скрылись под водою. Через десять дней их, умирающих от голода и жажды, подобрал пароход. Там еще ничего не знали о катастрофе. Пароход шел в Мексику. Но Мексики не оказалось. Они поднялись к северу — Северной Америки не было, спустились к югу — Южная Америка исчезла тоже. После начался ураган, который носил их по океану в течение сорока дней. Когда он стих и явилась возможность произвести измерение, то оказалось,

что они находятся над местом, где стоял Пекин. Они взяли курс к Гималаям. Ни одна вершина не возвышалась над водой. Они проплыли надо всей Европой и нигде не нашли ни одного клочка суши. Уже припасы их и топливо кончались, когда посреди Атлантического океана они наткнулись на новую землю. Этот материк стоял там, где раньше был океан, и берега его видом своим не напоминали ничего похожего на старую землю. Это была суша, только что вставшая со дна океана, совершенно лишенная признаков растительности и еще струящаяся влагой. Среди отвесных стен берегов они нашли залив и пристали. Море кишело рыбой и морскими животными. Они открыли ключи пресной воды и поселились там, питаясь рыбой и ракушками.

Затем Адам-Робинзон рассказывает подробно, как вся жизнь их уходила на добывание пищи, как они нашли у себя на корабле мешок пшеницы и посеяли ее, несмотря на бунт матросов, которые хотели испечь из нее хлеб тотчас же; как, спустя несколько лет, они оснастили вновь корабль и объехали кругом новый материк и убедились, что это единственная суша, существующая на земле. Они видели остатки каких-то колонн и зданий, выдвинутые с морского дна и хранившие следы им неведомой цивилизации. Они наблюдали всюду небывалый рост органической жизни и быстрый переход водяных форм в земные. Водяные растения ассимилировались на земле, летающие рыбы быстро превращались в птиц. Вернувшись в свой лагерь, они были удивлены количеством растительных видов и зелени, развившихся в этой области в соседстве человека. Затем в самом организме человека вновь вспыхнули дремавшие плодородные силы.

Последние записи дневника Адама относятся к его глубокой старости, когда он жил окруженный внуками и правнуками. Его сверстники — и капитан парохода, и те двое ученых, которые спаслись вместе с ним, умерли, корабль сгнил. Перед смертью они сделали большой труд: записали все те научные знания, которыми они владели, чтобы передать их своим позднейшим потомкам, потому что, пока жизнь на земле была еще слишком сурова, все время уходило на добывание пищи и поддержание жизни. Домов себе новые люди

так и не выстроили, потому что мягкость климата не делала их необходимыми. Записи свои Адам заключает сведением, что он их вложит в алюминиевый футляр и запрет в тот железный ящик, в который замкнута энциклопедия минувшей культуры, предназначенная для дальнейших, более счастливых, потомков... Но этого ящика найдено не было: железо за тысячелетия истлело в земле, а алюминий сохранился.

Любопытно, насколько в этой предсмертной своей повести Жюль Верн совпадает в своих описаниях и в настроении с последними главами последнего романа Уэльса «Война в воздухе»,³ который кончает тоже картиной одичания мира. Только Уэльс еще пессимистичнее: он не прибегает к космическим катастрофам, он видит разрушительные силы внутри самой машинной культуры и пророчит, что она погубит самое себя, лопнет, как паровой котел, не выдержавший высокого давления.

Жюль Верн, принявший в юности научный роман из рук Эдгара По, умирая, передал его в руки Уэльса.

Жюль Верн был во всем многотомном труде своей жизни восторженным идеалистом машины подобно тому, как Сен-Симон и Фурье были идеалистами капитализма, и эта повесть его, такая грустная и пессимистичная, может служить характерным указателем того перелома, который уже начинает совершаться в европейском сознании, по отношению к машинной культуре. Жюль Верн описывал в своих романах то, чего ему хотелось дожидаться и увидеть, ту жизнь, которая была бы желательна для него. Уэльс же стал строить свои романы аналитически, и его лирическое чувство — опасение того, что может наступить, желание предупредить о возможных ужасах и опасностях.

В этой повести о «Вечном Адаме» мы имеем запечатленным самый момент надлома настроения, звено, соединяющее идеологию Жюля Верна с критицизмом Уэльса, что придает ей историческое значение.